

Два с половиной года тянулись для Годрика бесконечной пыткой. После отъезда Салазара мир перевернулся. До этого Годрик был уверен в своей правоте, в том, что чистокровные представляют угрозу для волшебного мира. Он никогда не задумывался о том, что и сам был чистокровным. Когда Салазар раскрыл ему эту тайну, Годрик воспринял это как абстрактную данность, не требующую размышлений. Он просто принял этот факт, забыв о нём на долгие десятилетия, проведенные бок о бок с Салазаром. Как можно было помнить о таком, если человек, с которым ты работаешь, ничем не отличается от других? В Салазаре не было ничего, что кричало бы: "Чистокровный!" — по крайней мере, не для Годрика. Салазар просто не соответствовал тому образу, который Годрик создал в своем воображении. И Годрик забыл. Возможно, его забвение было связано и с тем, что он никогда не слышал слова, которым Салазар называл себя чистокровным. Салазар никогда не говорил прямо: "Я чистокровный" — не из-за стыда, а потому, что никогда не называл чистокровных "чистокровными". Он всегда говорил о... Годрик снова забыл это слово. Прошло два с половиной года с тех пор, как Салазар уехал. Два с половиной года с тех пор, как Хельга перестала разговаривать с братом, ограничиваясь лишь обсуждением занятий и академии. Годрик узнал цену своих предрассудков. Дом Салазара, Слизерин, отгородился от остальных, насмехаясь и игнорируя их. Особенно презирали Слизерины дом Годрика, и, конечно же, самого Годрика. Они по-прежнему посещали его уроки, делая то, что он требовал, но их голоса были ледяными, а взгляды — холодными. Они винили его в том, что Салазар уехал. И Годрик был виноват. Именно он не остановил студентов, когда они предвзято высказывались о чистокровных. Именно он поверил в эти слухи. Именно он стал причиной ухода Салазара. Он и его большой рот. Он и его единственная мозговая клетка. Годрик винил себя. Винил себя за то, что Салазар уехал, за слезы Ровены, за ее отказ смотреть на него целый месяц после отъезда Салазара. Конечно, Годрик извинился. Он извинился перед своим шурином и его женой за то, что назвал их чудовищами. Он бы извинился и перед Салазаром, но тот исчез, и Годрик, несмотря на все поиски, не мог его найти. Годрик искал повсюду, не оставляя надежды. Каждые летние каникулы с тех пор, как Салазар уехал, он безуспешно разыскивал своего друга. Каждый свободный день он уезжал из Хогвартса на лошади или писал письма всем знакомым. Письма Салазару возвращались нераспечатанными. Домом Слизерин в данный момент управлял профессор зельеварения, но он был не в состоянии преподавать. Годрик жалел, что не послушал Салазара, когда тот жаловался на мастера зелий. Годрик всегда думал, что тот жалуется из-за желания совершенства, не подозревая, что его жалобы основаны на чистой правде. Чтобы найти подходящего мастера рун, пришлось отозвать бывшего ученика, но тот не был по-настоящему заинтересован в обучении и не был даже в половину так хорош, как Салазар. Место целителя оставалось незанятым, потому что все приличные целители были наняты, а остальные были неадекватны или просили слишком много денег. И во всем этом была вина Годрика. Все потому, что он решил поверить в слухи. Как же Годрик жалел о своей глупости! Как он жалел, что даже не попытался узнать о людях, которых боялся! В конце концов Годрик сделал единственное, что мог сделать, кроме поисков исчезнувшего основателя Слизерина. Он начал работать над своим страхом. Вместо того, чтобы насмеяться над кентаврами в их лесу, он разыскал их и заговорил с одним из них. Все это время его сердце трепетало, он был готов дерзнуть при малейшем движении, но он поговорил с кентавром. Кентавры не были страшными, по крайней мере, не очень — к такому выводу пришел Годрик в конце разговора. Не очень большой результат, но для Годрика достаточный. Затем Годрик стал искать других чистокровных. Он покинул замок и посетил другое озеро, потому что до него дошли слухи о мерперонах. На мерперов было страшно смотреть, но они были дружелюбны и терпеливы, когда Годрик пытался заговорить с одним из них. На этот раз результатом стало появление в озере подопечных Хоуга. Годрик очень надеялся, что Салазар не будет возражать, но догадывался, что если тот смог принять кентавров в своем лесу, то сможет принять и мерперов в своем озере. Певерелл только покачал головой и пробормотал: "В следующий раз он вернется с гримом или драконом!" — Может быть, Годрик так и сделал бы, но он

определенно знал свою сестру и жену достаточно хорошо, чтобы даже не пытаться проделать этот трюк. Если бы он посмел привести дракона или другое опасное существо, его бы изгнали из палаты Хоуга еще до того, как он успел бы открыть рот и рассказать им о новом пополнении... Не то чтобы он привел дракона. Ну, может быть... Годрик тряхнул головой, чтобы проветрить ее. Он снова был во внешнем мире, разыскивая то ли чистокровного, которого еще не встречал, то ли Салазара — все, что первым попадалось ему на пути. Обычно это был чистокровный. — Ты должен смотреть, куда идешь, — внезапно прервал его размышления голос. Годрик вздрогнул. — Это определенно не лучшая идея — ходить по такому лесу, как этот, не будучи настороже. В мире есть более страшные хищники, чем животные. Долгие годы тренировок сработали мгновенно, и через секунду Годрик уже повернулся в ту сторону, откуда доносился голос, с палочкой в руке и заклинанием на устах. Незнакомец успел вовремя среагировать и отступить с пути заклинания. — Что ж, похоже, что ты, по крайней мере, адекватно защищаешься, если ты настороже, — пробурчал незнакомец, белые клыки блеснули в тусклом свете вечера. Вампир. Это была чистокровная кровь, с которой Годрик точно не хотел встретиться. Он сглотнул. "Бессмертный", — подсказал его разум. "Пьет кровь. Опасен. Нет, это точно не чистокровный, с которым он хотел бы встретиться". — У кошки есть язык? — спросил вампир, приподняв бровь. Очевидно, оно оценило его и отбросило как угрозу — иначе почему оно все еще разговаривало с ним после того, как он показал ему, что он волшебник? Слова вампира, словно ледяной ветер, догнали Годрика, заставив его зарычать. — Определенно нет, — прорычал он, пытаясь скрыть дрожь в голосе. Вампир лишь равнодушно наблюдал, невозмутимый, словно скала. — Итак, волшебник, — проговорил он, — есть ли причина, по которой ты бродишь по этому лесу, будучи явно не в себе? — Я не был не в себе! Я думал, вспоминал! — защищался Годрик, краснея от стыда. Он не мог поверить, что, блуждая по лесу, не замечал ничего вокруг! Особенно в этом, незнакомом, полном опасностей месте. — Может, тебе стоит вспоминать в других местах, когда для этого нужно спать, — заметил вампир, его слова звучали как насмешка. Годрик зашипел, злость бурлила в нем, как кипящая лава. — Заткнись! Тот, кто тебя вырастил, явно не знал, что делает, если ты так груб с каждым встречным! — выпалил он, не задумываясь о последствиях. Лишь после того, как слова сорвались с губ, Годрик вспомнил, с кем он разговаривает. С вампиром, человеческим кровососом, нелепо сильным и опасным. Оскорблять родителей вампира, быть может, было не самой лучшей идеей в его жизни. Если вампир захочет, он сможет разорвать Годрика на куски, не оставив и следа, не привлекая внимания.

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3093455>